
IV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ

О.В.БОЛЬШАКОВА

ПАРАДИГМА МОДЕРНИЗАЦИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ РУСИСТИКЕ (РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ)*

Теория модернизации долгое время являлась одним из ведущих аналитических инструментов исторических исследований России на Западе. Изучение использования этой теории в конкретно-исторических исследованиях представляется полезным и интересным, поскольку позволяет на практике оценить ее достоинства и недостатки, возможности и пределы ее применения, наконец, ее релевантность и состоятельность. Кроме того, краткое рассмотрение почти полувековой истории применения парадигмы модернизации в англо-американской исторической русистике представляется и достаточно актуальным, учитывая не так давно зародившийся и по-прежнему не угасающий интерес к этой парадигме в отечественной науке.

«Российская модель» модернизации в западных исследованиях пережила взлеты и падения, имела своих устойчивых сторонников и оппонентов, критиковавших ее как с идеологической, так и с методологической точки зрения. И хотя к настоящему времени теория модернизации в изучении истории России на Западе отошла на задний план и вытеснена другими парадигмами, связанные с ней идеи и

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 03-01-00695а.

представления оказались, по выражению одного американского историка, «удивительно живучими» (15, с.323). Что собой представляли эти идеи, как они реализовались в исторических исследованиях, какие возражения вызывали у западных специалистов-историков и почему, наконец, что нового они давали для понимания истории России, – все эти вопросы являются предметом рассмотрения в обзоре. Поскольку в рамках обзора не представляется возможным охватить всю англо-американскую русистику в целом, основное внимание уделяется работам, посвященным дореволюционной истории России.

* * *

В 50-е годы в междисциплинарных исследовательских центрах США, занимавшихся изучением различных регионов мира (area studies), по инициативе социологов проводилась серия широких сравнительных исследований, к работе над которыми были привлечены также историки, политологи и экономисты. Существенной чертой этих исследований был их универсализм, т.е. развитие общества рассматривалось в них как всеобщий, универсальный и неизбежный процесс, имеющий одни и те же закономерности и этапы (стадии) развития для всех стран и народов. При этом образцом, «моделью», к которой должны стремиться все страны, признавалось современное индустриальное общество, сложившееся в государствах Западной Европы и США.

Новый подход в области социальных наук к общественной эволюции, получивший название «модернизация», был применен к изучению истории России уже в 50-е годы. Поворотным пунктом стали прошедшие в 1955 г. в США конференции «Преемственность и изменения», материалы которых были опубликованы через несколько лет в фундаментальной коллективной монографии «Трансформация русского общества» (14).

Среди участников этих конференций были такие известные американские и британские специалисты, как Т.Парсонс, А.Гершенкрон, З.Бжезинский. Символично, что том открывается очерком Парсонса о «некоторых чертах индустриального общества». Таким образом, Россия, которую в 40-е годы западные специалисты считали «особым обществом тоталитарного типа», была включена в категорию стран, проходящих стадию индустриализации. Это откры-

вало путь к исследованию общих черт, а не отличий в истории России и Запада.

В книге рассматривается процесс социальных трансформаций в России за 100 лет с целью определить универсальные и уникальные аспекты модернизации страны. Исходным пунктом стал 1861 г. как рубеж между «преимущественно аграрной» и «преимущественно индустриальной эрой» в России. По мнению редактора тома американского историка и социолога Сирила Блэка, решение самодержавного правительства освободить крестьян открыло новую эпоху в социальной истории России, поэтому для изучения ее эволюции 1861 год важнее, чем год 1917 (3, с.7).

Представленные в сборнике исследования изменений, произошедших за 100 лет в экономике страны, ее политических институтах, в социальной структуре, в системе образования, науке и религии, в облике семьи, в совокупности дают широкую картину общего поступательного движения. Характер этого движения и достигнутые результаты приводят С.Блэка к заключению, что в целом Россия «во многих отношениях шла по тому же пути, что и модернизовавшиеся ранее общества» Западной Европы (3, с.665).

Однако основное внимание авторов сосредоточено все же на особенностях «русского варианта» модернизации, которые обусловлены несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Это, во-первых, экономическая отсталость и оборонительная позиция Российской империи по отношению к более модернизированным обществам Западной и Центральной Европы; во-вторых, – доминирующая роль государства, которое пронизывало буквально все аспекты жизни общества, и, наконец, особые, характерные именно для России «человеческие отношения и ценности» (3, с.670).

Подводя итоги проведенным исследованиям, С.Блэк в своем «Заключении» представил обобщенную российскую модель модернизации. Влияние более развитых стран в том, что касалось военных технологий, культуры и образа жизни, представлений об устройстве общества, ощущалось в России уже в XVII в., пишет автор. Предпринятые в начале XVIII в. Петром I преобразования имели своей целью усиление государственной власти и защиту «традиционного образа жизни» перед лицом требований эпохи, в условиях соревнования со странами Западной Европы, когда неудача могла означать нацио-

нальное поражение. Это была первоначальная, «оборонительная» и поверхностная, фаза модернизации.

Благодаря Петровским реформам Россия на долгие годы обеспечила себе стабильное положение в ряду великих европейских держав. В эпоху, когда сельское хозяйство и торговля были основными источниками благосостояния, Россия, имевшая самый низкий в Европе доход на душу населения, все же могла с помощью концентрации ресурсов в руках государства относительно успешно отвечать на внешний вызов ее безопасности.

Однако к середине XIX в. ситуация значительно обострилась, главным образом из-за произошедшего в Европе промышленного переворота. В этих условиях поражение отсталой в военном и экономическом отношении России в Крымской войне (1853–1856) «перед лицом объединенных англо-французских сил» было закономерным. Но из поражения был извлечен урок, и правительство начало серию крупномасштабных реформ, первой из которых стала отмена крепостного права. Так же как и в Петровскую эпоху, реформы носили оборонительный характер и не имели своей целью радикальную модернизацию страны, но вскоре стало ясно, что именно это и станет результатом преобразований, пишет С.Блэк. Роль модернизаторов взяли на себя Александр II и бюрократы-реформаторы, успешно осуществившие первый этап радикальной модернизации страны. Чиновники среднего звена подготовили и провели в жизнь великие реформы 1861–1874 гг.: освобождение крестьян, реформы местного самоуправления, финансовую, судебную, военную и др., которые явились важнейшим шагом по пути трансформации страны в современное общество. Однако наследники Александра, не обладая его дальновидностью, не смогли преодолеть давление «корыстных интересов» своего окружения, «тяжкий груз традиций» и продолжить его реформаторский курс (с.665).

Тем не менее к 1890-м годам Россия созрела для того, чтобы совершить беспрецедентный экономический рывок, обогнав по темпам промышленного роста большинство передовых стран. Но при этом «динамичный рост» не распространился на другие сферы общественной жизни, где господствовала «система ограничений», и социальные последствия индустриализации не заставили себя ждать. Социальные напряжения и дисбалансы в начале XX в. резко возросли, что вылилось в революционные возмущения 1905–1907 гг.

Последние 20 лет перед революцией 1905 г. действия правительства характеризуются «сочетанием экономической смелости и политической осторожности», что очень напоминает, по мнению С.Блэка, политику Японии и Турции в ранних фазах их модернизации (3, с.675). Он отмечает, что российская модель модернизации обнаруживает много общих черт с Турцией, Ираном, Японией и Китаем, отличаясь при этом не только от Запада, но и от современных только что освободившихся от колониального гнета молодых государств Азии и Африки. Это — общества с традицией сильных, независимых и относительно централизованных правительств; модернизация в них проходила сначала оборонительно, но агрессивно, и по инициативе государства. При этом целиком заимствовались западные технологии, но политические и социальные ценности вызывали к себе двойственное (а часто и просто враждебное) отношение со стороны как правящих элит, так и трудящихся классов.

Все запоздалые модернизаторы испытывали давление международной конкуренции, указывает С.Блэк, но для России середины XIX в. это ощущение усиливалось тем обстоятельством, что она «имела длительную традицию национального величия» (3, с.671). Один из авторов сборника Теодор фон Лауэ также отмечает «чрезвычайную чувствительность» России к любым угрозам ее мощи — в первую очередь из-за ограниченности ресурсов. В последние 100 лет, пишет исследователь, история России представляет собой уникальный опыт «слаборазвитой страны, которая претендовала на статус великой державы (или великой державы, которая оказалась слаборазвитой страной)» (9, с.211).

Западные ученые постоянно указывали на бедность и экономическую отсталость России как главные факторы, обусловившие особенности ее перехода к современному индустриальному обществу. Большую роль в теоретическом осмыслении этих проблем сыграла концепция «относительной отсталости» Александра Гершенкрона, разработанная им главным образом на российском материале.

Выходец из России Александр Гершенкрон приехал из Европы в Гарвард после войны. Будучи в большой степени «интеллектуальным одиночкой», он относился с предубеждением к крупномасштабному теоретизированию и старался избегать термина «модернизация», предпочитая говорить об «индустриализации» или даже «вестернизации» отсталых стран (1, с.87). В своей концепции он во мно-

гом следовал традиции дореволюционной русской историографии, которая основывалась на представлении, что Россия в своем историческом развитии идет по тому же пути, что и Европа, только, по выражению С.М.Соловьева, «запаздывает».

В книге помещена статья Гершенкрона «Проблемы и модели экономического развития России» (8), основное внимание в которой уделяется особенностям и этапам индустриализации страны.

Как пишет А.Гершенкрон, в русской истории сложилась «любопытная повторяющаяся модель развития»: военные интересы государства побуждали правительство предпринимать экономический рывок, в ходе которого основные тяготы ложились на крестьянство. Таким образом, закрепощение русского крестьянства, по Гершенкрону, было неразрывно связано с экономическими интересами страны. Через несколько лет тяжкого давления рывок иссякал, и «истощенное население медленно восстанавливало силы» (8, с.52). Военной необходимостью была продиктована и крестьянская реформа 1861 г., которую автор, при всех ее недостатках, считает основной предпосылкой последующего промышленного роста. Условия для него созрели лишь к началу 1890-х годов, и в новом экономическом рывке присутствовали уже «европейские черты». И хотя правительство предприняло ряд реакционных мер с целью пересмотра великих реформ, новое закрепощение крестьянства, по словам Гершенкрона, в те годы уже не являлось «делом практической политики», да и не было нужды в этой мере. Проведенные при Александре III реформы дали бюрократии достаточную власть для изъятия налогов у крестьян. Фискальные функции, которые раньше выполнял институт крепостного права, теперь с успехом могли осуществлять государственные учреждения (8, с.52–53).

Указывая на слабое развитие внутреннего рынка и другие аномалии в экономике страны, Гершенкрон тем не менее не считал, что они должны были спровоцировать неразрешимые социальные конфликты. «Если бы не война», полагал он, Россия продолжала бы идти по пути прогрессивной «вестернизации». Этот тезис созвучен точке зрения русских историков-эмигрантов, работавших в университетах США в послевоенные годы. Это позиция так называемых «оптимистов» в англоязычной русистике, считавших революцию 1917 г. событием во многом случайным, обусловленным стечением обстоятельств и в первую очередь началом Первой мировой войны.

Позицию «пессимистов», настаивавших на неизбежности революционного разрушения царского режима, представляет в сборнике Теодор фон Лауэ. Эмигрант из Германии, он учился в Колумбийском университете и подготовил на английском языке работу, посвященную взглядам и деятельности С.Ю.Витте. Т. фон Лауэ неоднократно отмечал, что либерально-конституционный путь развития в России не имел шансов на успех, поскольку высокие темпы индустриализации были чреваты социальным взрывом, а самодержавие было неспособно предотвратить его. Революция была неизбежна, и война, считал фон Лауэ, не меняла в корне ситуацию, поскольку даже в мирное время неразвитый городской сектор экономики и узкая «европеизированная» прослойка элиты не могли противостоять массе «неевропеизированного» крестьянства и ассимилировать политически отсталые нерусские народности. Детерминистский подход Т. фон Лауэ отличается жесткостью оценок. Он абсолютизирует роль государства в управлении экономикой страны, подчеркивает насильственный характер индустриализации, навязанной «извне», не видит и не допускает существования внутри страны сил, способных к созидательной деятельности «снизу» (9). В своих выводах он пошел значительно дальше Блэка и Гершенкрона, утверждая, что Россия могла преодолеть отсталость только путем революции «сверху», и в этом отношении Ленин и Сталин являлись наследниками Витте (10).

Применение к изучению истории России парадигмы модернизации, реализованное в томе «Трансформация русского общества», стало предметом горячих дискуссий. Наряду с многочисленными достоинствами представленных исследований историки отмечали и методологическую слабость приверженцев компаративного историко-социологического подхода — склонность к чересчур широким сравнениям и обобщениям, отсутствие историчности и глубины анализа, «верхоглядство», ведущее к фактическим ошибкам и искажениям и даже курьезам. При «взгляде с птичьего полета» оказались утрачены не только важнейшие для понимания исторической действительности «частности», но и такие центральные вехи, как революции 1917 г.

Многообразие точек зрения на путь российской модернизации отразилось в дискуссии, опубликованной на страницах журнала «Славик ревью» в 1961 г. Впоследствии эти материалы, как методологически важные, были переизданы в сборнике «Развитие СССР: Обмен взглядами» (6).

С.Блэк, практически повторяя свою модернизационную модель развития России, делает акцент на проблеме лидерства и роли идей, т.е. подчеркивает особенное и случайное в процессе трансформации страны. «Другой самодержец и другие советники могли выработать совершенно иную программу», – пишет он (6, с.177). Британский историк Х.Сетон-Уотсон выражает иную позицию, подчеркивая именно общие черты всех развивающихся обществ и не видя особых различий между Россией XIX в. и африканскими странами XX в. Х.Сетон-Уотсон противопоставляет Запад всем остальным странам, которые развиваются по единой модели, независимо от своих историко-культурных особенностей, и пренебрегает фактором исторического времени. Так, он проводит параллель между русскими «интеллигентами-революционерами» и, например, Патрисом Лумумбой, считая, что русских отличал лишь «чрезмерный идеализм», обусловленный православием (6, с.195).

Известный американский историк русского происхождения Н.Рязановский склонен подчеркивать скорее сходства, нежели различия между Россией и Европой, полагая, что такой подход поможет лучше понять историю России XIX в., и в этом он обнаруживает преемственность с позицией русских историков – эмигрантов первого поколения. Не отрицая полезности теории модернизации, он указывает на то, что существуют и иные точки зрения и классификации. Так, если с позиций теории модернизации Россия и США полярны, то при сравнительном изучении истории культуры обе страны оказываются на периферии культурного мира. А сравнение процесса становления двух гигантских стран выявляет много общих черт: освоение американцами Запада может быть уподоблено продвижению русских в Сибирь (6, с.199).

В конце 50-х – начале 60-х годов теория модернизации обладала особой притягательностью для нового поколения историков – русистов того времени, для которых научно-познавательный идеал воплощался в социологии, а сама историческая наука мыслилась как социально-научная, социально-структурная, наконец, как история социальной системы. Новая всеобъемлющая схема социальной эволюции, казалось, могла многое объяснить в истории дореволюционной России и открывала новые горизонты для исследования таких неизученных тем, как реформы второй половины XIX в., экономическая политика конца XIX – начала XX в., проблемы социальной мо-

бильности и история различных социальных групп – участников модернизации.

Исследования процесса модернизации России развивались на Западе в общем контексте социальных наук, отражая изменение интеллектуальных ориентаций и парадигм, появление новых подходов и концепций.

Началу 60-х годов был присущ прагматический, по сути практический и прикладной подход. Интерес к трагической истории российской модернизации как к полезной «копилке опыта» для современных развивающихся стран характерен для англоязычной историографии этих лет¹. Именно в «бурные 60-е» вопрос о том, каков должен быть «инструмент модернизации» – реформа или революция, – выходит на первый план в исследовательской повестке дня. Великие реформы 1860-х годов и последовавшие за ними контрреформы 1880-х достаточно однозначно воспринимаются как отправной пункт в неумолимом движении России к революции.

В 70-е годы «классические» теории модернизации, претендующие на универсализм экономических рецептов процветания для слаборазвитых государств и сводившие развитие человечества к прогрессу технологии и экономики, были вытеснены теориями, стремившимися учитывать своеобразие историко-культурного облика стран и придававшими большее значение факторам неэкономическим, прежде всего роли национальных традиций.

Сравнительно-исторические работы 70–80-х годов видного американского историка Марка Раева (11, 12) отражают смещение интереса от экономических аспектов модернизации к ее культурной стороне. Раев уточняет и корректирует представления о российской модели модернизации, ее истоках и парадоксах. Общеевропейский контекст позволяет автору достичь необходимой глубины и детальности в выявлении интеллектуальных предпосылок модернизации в Европе, и в том числе в России. Он доказывает, что российский вариант развития в XVIII – начале XIX в. представлял собой наиболее типичную европейскую модель.

¹ См., например: *Essays in Russian and Soviet history* / Ed. by J. Curtiss. – N.Y., 1963; *Imperial Russia after 1861: Peaceful modernization or revolution?* – Englewood Cliffs, 1965.

Унаследованная от западноевропейского камералистского абсолютизма инициативная роль государства в реформировании страны, пишет М. Раев, была двойственной по своей природе, обуславливая проведение двойственной политики, — и это особенно заметно в законодательстве эпохи великих реформ. Он отмечает, что русское самодержавие одновременно и «продвигало модернизацию, и усиливало политическое и культурное подавление», что в итоге не только привело к революции, но и создало благоприятные условия для диктатуры (11).

Этот феномен двойственности определялся теоретиками «зависимого развития» как «дуализм развивающихся обществ», имеющий глобальный характер. Парадигма «развивающегося общества» была испробована на российском материале позднее, в начале 80-х годов, которые были отмечены острым кризисом теорий модернизации.

Этот кризис был связан с критикой линейной теории прогресса и поиском новых концепций социальной эволюции. Теоретики «зависимого развития», стремясь найти объяснение механизмам торможения в отсталых странах, изучают модель «развивающихся обществ» как социального синдрома, чреватого серьезными кризисами.

В русле этих представлений написана работа видного британского историка и социолога Теодора Шанина «Россия как развивающееся общество» (13), которая оказала серьезное влияние на западные и отечественные исследования 80-х — начала 90-х годов. В книге предложена всесторонняя глобальная модель развития на примере России XIX — начала XX в., которая, по мнению автора, «стала первой страной, где материализовался социальный синдром, получивший впоследствии название «развивающегося общества». Шанин отрицает понятие линейного развития, присущее как марксистской, так и либеральной теории, и создает совершенно иную модель, которая не сулила России блестящих перспектив в будущем, даже если бы не было «великих потрясений» начала XX в.

В России рубежа веков, пишет он, впервые была поставлена под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества: «Решительное вмешательство, предпринятое государством в германском духе... породило к началу XX в. в России вовсе не вторую Германию, а разрушительный экономический и социальный кризис, военное поражение и, наконец, революцию 1905—1907 гг.» (13, с.10).

Автор выдвигает идею о существовании «параллельных общественных форм» — «иных» крестьянских миров, мало соприкасающихся с «городским» миром и живущих по собственным законам. Главной особенностью и источником самобытности России, в интерпретации Шанина, была исконная несовместимость крестьянского уклада с требованиями «прогресса».

Крестьянство, считает автор, нельзя рассматривать с позиций общепринятой глобальной историософской схемы, т.е. как социальное явление, обреченное прогрессом на полное исчезновение. Изучение крестьянства как «параллельной реальности», которая не является ни рыночно-капиталистической, ни государственно-плановой, «бросает вызов», по выражению Шанина, «идее общественного единобразия, а также универсальной логике анализа общества», согласно которой мир делится на «современный» и «отсталый» (13, с.292).

Присущее парадигме модернизации представление о линейном характере эволюционного развития обществ и неизбежности «прогресса», который понимается как достижение определенного эталонного образца (чаще всего это США), критиковалось многими авторами. Как пишет специалист по истории России Петровской эпохи Дэниел Кларк Во, даже в эпоху своего расцвета в 50–60-е годы теория модернизации не удовлетворяла ученых. Ее серьезно критиковали за отсутствие историчности, за наличие идеологических ценностных суждений, за претензию на знание того, что «хорошо» и что «плохо» для человечества, наконец, за «европоцентризм». Специалисты в области социальных наук, видя невозможность применения теории модернизации к изучению целого ряда обществ и стран, пытались найти иные, не европейские «модели» развития. В конечном счете появилось такое количество моделей модернизации, что «напрашивается закономерный вопрос, не являются ли все они скорее исключением, чем правилом», — пишет автор (15, с.324).

Однако, к сожалению, пишет автор, так и не было выработано какой-либо новой всеобъемлющей концепции, которая заменила бы теорию модернизации при изучении таких проблем, как индустриализация и последующее развитие индустриальных обществ. Историкам приходится работать в рамках представлений о процессе перехода от традиционного общества к современному, которые так или иначе связаны с парадигмой модернизации (15, с.324).

На протяжении 60-х – начала 80-х годов теория модернизации имела первостепенное значение для изучения Российской империи. И хотя хронологические рамки модернизационного процесса значительно варьировали¹, приверженцы такого подхода были единодушны в мнении, что Россия шла по пути конвергенции с Западом. В исследованиях англоязычных историков, выполненных в русле парадигмы модернизации, сложилась концепция реформаторского процесса в Российской империи. Согласно этой интерпретации, в основе реформ лежало стремление самодержавия приспособить традиционные институты империи к кардинально меняющемуся обществу, сохранить статус России как великой державы и удержаться на должном уровне в мировой экономической и политической системе. Подчеркивалась инициативная роль государства в процессе модернизации страны, при этом большое значение придавалось, с одной стороны, фигуре того или иного самодержца, с другой – правительственному аппарату. «Просвещенная» бюрократия второй половины XIX – начала XX в. в этой трактовке представляла главным «агентом модернизации», в то время как консервативная часть чиновничества выступала тормозом реформаторского процесса. Нараставший в результате идеологического конфликта, бушевавшего в бюрократической среде, «паралич власти» в конечном итоге и явился одной из главных причин падения самодержавного режима. Серьезными дисбалансами, которые привели к революционным потрясениям начала XX в., признавались «раскол» между европейской элитой и крестьянством, закрепленный мерами по консервации крестьянской общины, и конфликт между «властью» и «обществом». Представленный в работах англоязычных русистов конкретно-исторический материал был призван подтвердить постепенное продвижение Российской империи по пути модернизации в том, что касается процесса урбанизации, индустриализации, развития современной рациональной науки и образования, формирования демократических политических институтов и гражданского общества. В этом контексте особое внимание уделялось истории российского конституционализма. Одновременно исследователи стремились выявить причины, затруднявшие процесс модернизации и препятствовавшие ее завершению.

¹ См.: Rogger H. *Russia in the age of modernization and revolution, 1881–1917*. – L., 1983; Dixon S. *The modernization of Russia, 1676–1825*. – Cambridge, 1999.

Однако углубленное исследование российских исторических реалий все чаще приводило западных ученых к заключению, что как аналитический инструмент модернизационная модель имеет ограниченное применение при изучении истории России. Как и любая другая теория, претендующая на объяснение исторического процесса, парадигма модернизации имеет свои возможности и пределы. Она хорошо сочеталась с государственным подходом, присущим политической и институциональной истории, но оказалась несовместима с социальной историей, которая заняла ведущее место в англоязычной русистике к началу 80-х годов.

Предмет интереса этой дисциплины – исследование социальных слоев и групп Российской империи и присущих им культурных моделей, изучение «внутренних» факторов структурного и культурного характера в противоположность «внешнему вызову», который, согласно теории модернизации, стимулировал исторический процесс в России. Для социальной истории характерен взгляд «снизу», и, соответственно, инициативная роль государства в процессе трансформации страны и «высокая» политика выпадали из предметного поля науки. Избегая употребления термина «модернизация», социальные историки предпочитали говорить о социальном «сдвиге» и исследовать такие его параметры, как развитие образования и книжной культуры, изменения в положении женщины и в образе жизни разных социальных слоев.

Консерватизм крестьянского менталитета, община и деревенская культура, политическая логика коллективных действий, воздействие местной социальной структуры на проекты административных реформ, внедрение властных отношений в различные социальные и культурные структуры – углубленное исследование этих тем показывало, что «само понятие “современное” развитие и связанные с ним задачи, стоявшие как перед империей, так и перед Советами, не стыковывались с основными компонентами социокультурных реалий России» (2, с.12). Выдвинутый в конце 80-х годов тезис об относительной самостоятельности губернской администрации также опровергал традиционное представление сторонников теории модернизации о том, что государству принадлежала главная роль в стимулировании промышленного развития. Оказалось, что идеологические установки и реализация государственной политики в России рубежа

веков в большой степени зависели от конкретных условий того или иного региона (2, с.18).

Обостренное осознание значимости своей дисциплины заставляло социальных историков настороженно относиться к теории модернизации, которая угрожала свести историческую профессию к простому сбору фактов в подтверждение готовой объяснительной схемы, — перед глазами у них был печальный опыт официальной советской историографии.

Что касается политической истории, то здесь во второй половине 80-х годов в круг интересов американских и британских русистов вошел такой аспект российской модернизации, как построение гражданского общества. Формирование гражданского общества становится в эти годы для многих западных специалистов главным мерилом «успеха» России в достижении идеалов демократии, которое признается конечной целью исторического развития любого государства. Присущая парадигме модернизации телеология приняла в годы советской перестройки форму либеральной риторики. Предполагалось, что с созданием рыночной экономики и введением демократических свобод Советский Союз завершит процесс модернизации и присоединится к странам Запада. Под влиянием происходящих в стране серьезных политических перемен западные историки-русисты обратились к «новой форме презентизма»: с сочувствием относятся к горбачёвским реформам, они надеялись, что лучшее знание российской и советской истории поможет в решении сложных задач переходного периода, пишет известный американский специалист У.Розенберг (2, с.27).

Влияние текущих событий на изучение прошлого анализируется в статье Мишеля Конфино (французского историка, ныне работающего в унте Тель-Авива), которая была написана при поддержке Центра Вудро Вильсона в США, в тесном контакте и общении с американскими коллегами. Критикуя распространившийся в современной науке презентистский подход, который побуждает историков переносить современные оценки и суждения на изучение прошлого России, автор также убедительно доказывает и профессиональную несостоятельность проведения исторических аналогий, научную некорректность использования «уроков прошлого» для понимания дня сегодняшнего. Он говорит о необходимости пересмотра старых пред-

ставлений и аналитических инструментов, таких, например, как парадигма «Россия и Запад».

В своих интерпретациях социальной эволюции России, пишет М.Конфино, историки склонны подчеркивать «отклонение» от некоего европейского «нормального» типа. В современном историографическом дискурсе этот «нормальный тип» обычно имеет прямое отношение к парадигме «Россия и Запад», в которой «Запад» ясно не определен. Это мифический идеализированный «Запад», которому на деле не соответствует ни одна из европейских стран, пишет Конфино. Парадигма «Россия и Запад» глубоко укоренилась в современном историческом мышлении. С ее помощью находят различия и противоположности между Россией и так называемым «Западом», и в результате возникает набор причудливых и «неудобных» черт. Демонстрируется, что Россия была просто «отклонением» от «нормального» западного пути, и это служит объяснением ее «неправильного» и полного коллизий исторического развития. Господствующей точкой зрения в западной историографии, указывает М.Конфино, остается представление, что «все в России было не так, как положено». Этот «нормативный нонсенс вырастает до подтверждения чаадаевского синдрома – что Россия явилась на свет служить отрицательным примером остальным народам» (5, с.855). Многие историки продолжают считать, что именно резкие отличия России от европейских держав и явились причиной падения империи.

Действительно, проблема «Россия и Запад» должна стать «темой исторического исследования, а не исследовательским инструментом», — пишет американская исследовательница Джейн Бербанк. Однако она полагает, что чрезвычайно трудно избавиться историю России от сравнений с Западом, в особенности в варианте «догоняющего развития», поскольку эти сравнения были (и остаются) составной частью русской культуры. Государственные и общественные деятели императорской России «строили собственные версии идеального “Запада” как эталона, к которому должна стремиться страна». С точки зрения Дж.Бербанк, формирование образа «Запада» как основы для модернизаторских проектов и образа «России» как объекта реконструкции являлось важной детерминантой в истории императорской России. «Воображаемый “Запад” стал моделью или анти-моделью для воображаемой “России”, и эта бинарная оппозиция отрезала возможность иных культурных проектов», — пишет автор (4, с.557).

В размышлениях Дж.Бербанк звучит современная антипатия к противопоставлениям, на которых строилось научное мышление XIX в. Углубленное изучение исторических реалий привело современных западных исследователей к заключению, что бинарная модель несет в себе серьезные искажения, что различия и контрасты не были столь резкими и не могут служить адекватным инструментом для анализа прошлого. Именно поэтому присущая парадигме модернизации дихотомичность (традиционный – современный, город – деревня, государство – общество и т.д.) воспринимается в наступившем новом веке как анахронизм.

Новый виток критики теории модернизации в западной русистике последовал после распада СССР. Считалось, что это событие опровергло главный тезис сторонников парадигмы модернизации – что Советский Союз постепенно превратится в демократию западного типа – и подтвердило правоту «тоталитарной школы», которая считала СССР «в принципе не реформируемым». Теория модернизации оттесняется в западной русистике на задний план, однако это было связано не только с текущими политическими событиями, но и с изменениями, произошедшими в самой науке.

Крушение коммунизма и связанного с ним типа исторического мышления совпало с наступлением эпохи постмодернизма в западной исторической науке и поворотом от социальной к «новой культурной» истории. «Новая культурная» история, используя методы культурологического анализа, а также других дисциплин (литературоведения, семиотики и культурной антропологии), занимается не только традиционными проблемами эстетики и «высокой культуры», но и вопросами умонастроений, общественной идентификации и народной, низовой культуры.

«Культурные» подходы к исследованию русского общества и государства реализовались в последнее десятилетие во многих интересных и глубоких работах, главное внимание в которых уделяется изучению классов, наций и общества как «сконструированных понятий», а не объективной реальности. Казалось бы, со смещением ориентации исторических исследований, уходом от методологии социальных наук в направлении наук гуманитарных, с их интересом к языку и «дискурсу» парадигма модернизации и развития должна остаться «за кадром». Тем не менее под влиянием теоретических построений Мишеля Фуко молодыми западными историками была

предпринята еще одна попытка переосмыслить проблему «модернизации» и политических изменений в российской и советской истории. В центре их построений стояло придание обществу нового вида путем трансформации каждого отдельного индивида (1, с.88). Однако новое прочтение теории модернизации подверглось серьезной критике.

В представлениях Мишеля Фуко, при переходе от европейской «юридической монархии» раннего Нового времени через *Polizeistaat* просвещенного деспотизма к современному либеральному государству создаются законы и институты, которые внедряют «механизмы самоцензуры и самоограничения», заставляющие людей контролировать себя. Этот переход от открытого принуждения к гражданской дисциплине, от коллективизма к индивидуализму совпадал с поворотом от докапиталистической к капиталистической социальной организации, от абсолютистского к конституционному государству. Лора Энгельстайн предостерегает историков-русистов от бездумного применения парадигмы Мишеля Фуко в качестве очередной универсальной модели, «дискурсивного» варианта теории модернизации (7, с.343). России свойственна традиция враждебности к законности, которая присуща не только царской администрации, но и обществу – консерваторам и радикалам. Интеллектуальный дискурс XIX в. всячески отторгал буржуазное дисциплинарное общество. Все это доказывает, что российские реалии не укладываются в теоретические построения Мишеля Фуко.

Тем не менее было бы упрощением сказать, что сегодня теории модернизации и развития полностью отвергнуты англо-американской исторической русистикой. Продолжают появляться работы, выполненные в рамках этой парадигмы. Внимание историков привлекает проблема периодизации российской модернизации и в особенности ее «истоки», которые датируются серединой и концом XVII в. В рамках проблемы «европеизации» или «вестернизации» России по-прежнему дискуссионной остается интерпретация Петровской эпохи, что обусловлено значением этого периода для понимания всей последующей истории России. Современный взгляд предлагает учитывать пределы понятия «модернити» при изучении культуры России конца XVII – начала XVIII в. Как пишет Д.К.Во, «модернити» является всего лишь концепцией, изобретением человеческой мысли и никогда не существовала в реальности. В сознании людей и в куль-

туре России Нового времени наряду с «европейскими» чертами сохранялось все многообразие «традиционных» компонентов (15, с.343–344).

Многочисленные примеры периодического возвращения англо-американских историков-русистов к парадигме модернизации в той или иной ее форме показывают, что декларированный новой культурной историей «разрыв» с материалистическим детерминизмом и стадийным пониманием истории не является окончательным. Новый тип исторического мышления, формирующийся в эпоху постмодерна, для которого характерно осознание историчности, условности и преходящего характера «концептуальных основ» построения науки, только начинает завоевывать позиции. Этот стиль мышления характеризуется неприятием предопределенности и «нормативности» линейного характера развития, имеющего конечную цель; отказом от бинарных противопоставлений, присущих науке XIX в., как марксистской, так и либеральной; склонностью к изучению преемственности, а не разрывов в историческом процессе. С точки зрения этих представлений парадигма модернизации не является релевантной для изучения истории, однако она продолжает сохранять свою притягательность, и не только потому, что слишком велико искушение иметь всеобъемлющую теорию, которая объяснит все исторические процессы и поможет найти закономерности, управляющие ходом истории. Причины коренятся не только в извечной человеческой тяге найти простые ответы на сложные вопросы, они лежат гораздо глубже. Не стоит забывать, что ориентация на эталон, например, составляет одну из сущностных характеристик человеческого мышления, а целеполагание является важнейшей составляющей всякой полноценной человеческой личности.

Список литературы

1. Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. – М., 2002. – Т.3(121). – С.65–105.
2. Розенберг У.Г. История России конца XIX – начала XX в. в зеркале американской историографии // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996. – С.8–28.
3. Black C. Introduction; Id. Conclusion // The transformation of Russian society. – Cambridge, 1960. – P. 1–19, 651–667.

4. Burbank J. Revisioning imperial Russia: Conference report // *Slavic rev.* – Chicago, 1993. – Vol.52, N 3. – P.555–567.
5. Confino M. Present events and the representation of the past: Some current problems in Russian historical writing // *Cahiers du monde russe.* – Paris, 1994. – Vol. XXX, N 4. – P.839–868.
6. The development of the USSR: An exchange of views / Ed. by Treadgold D. – Seattle, 1964. – XV, 399 p.
7. Engelstein L. Combined underdevelopment: Discipline and the law in imperial and Soviet Russia // *American historical review.* – Wash., 1993. – Vol.98, N 2. – P.338–353.
8. Gershenkron A. Problems and patterns of Russian economic development // *The transformation of Russian society.* – Cambridge, 1960. – P.42–72.
9. Laue T. von. The state and the economy // *The transformation of Russian society.* – Cambridge, 1960. – P.209–225.
10. Laue N. von. Why Lenin? Why Stalin? A reappraisal of the Russian revolution, 1900–1930. – Philadelphia, 1964. – 242 p.
11. Raeff M. Russia's autocracy and paradoxes of modernization // *Ost-West-Begegnung in Osterreich: Festschrift für Eduard Winter.* – Köln, 1976. – P.275–283.
12. Raeff M. The well-ordered police state: Social and institutional change through law in the Germanies and Russia, 1600–1800. – New Haven, 1983. – 281 p.
13. Shanin T. Vol.1. Russia as a 'developing' society. – L., 1985; Vol.2. Russia, 1905–1907: Revolution as a moment of truth. – L., 1986. – XVI, 379 p.
14. The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861. – Cambridge (Mass.), 1960. – VIII, 695 p.
15. Waugh D.C. We have never been modern: Approaches to the study of Russia in the age of Peter the Great // *Jb. für Geschichte Osteuropas.* – Stuttgart, 2001. – Bd 49, H.3. – S.321–345.